

квартиру даже не топлённой, потому что Лермонтовъ уже много дней какъ прохивалъ въ Петербургѣ у бабушки, хотя и безъ отпуска. Это только усугубляло его вину. Веймарнтъ, не снимая шубы, произвелъ обыскъ и опечатавъ всѣ бумаги, какія нашлись въ квартирѣ. Между тѣмъ дали объ этомъ знать въ Петербургъ Лермонтову. Онъ поскакалъ въ Царское село и съ полной откровенностью повезъ съ собой свой портфель съ бумагами... Бабушка была въ отчаяніи: она полагала, что ея Мишеля непременно засадятъ въ крѣпость... Но Лермонтова посадили только на гауптвахту; но зато 25 февраля послѣдовало Высочайшее повелѣніе, а 27-го вышелъ „приказъ“, по которому лейб-гвардіи гусарскаго полка корнетъ Лермонтовъ переводился тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ (на Кавказѣ).

VI. Отъ первой ссылки до второй.

Лермонтовъ ѣхалъ на Кавказъ, какъ онъ выражался, „за лаврами“. Онъ ѣхалъ на восточный берегъ Чернаго моря, гдѣ должны были открыться усиленныя военныя дѣйствія противъ горцевъ, подъ начальствомъ генерала Вельяминова.

Путь лежалъ черезъ Тамань. Здѣсь Лермонтовъ остановился, чтобы дожидаться почтоваго судна, которое перевозило бы его въ Геленджикъ. „Тутъ“ — рассказываетъ Висковатый — „поэтъ испыталъ страннаго рода столкновение съ казачкою Царицой, принявшей его за тайнаго соглядатая, желавшаго накрыть контрабандистовъ, съ которыми она имѣла сношенія. Эпизодъ этотъ послужилъ поэту темою для повѣсти: „Тамань“.

Въ концѣ апрѣля Лермонтовъ прибылъ на мѣсто своего назначенія. Но тутъ свѣдѣнія о немъ начинаютъ дѣлаться сбивчивыми: въ послужномъ спискѣ его говорится, что поэтъ былъ въ постоянныхъ стычкахъ и дѣлахъ съ непріателемъ отъ 26 мая и до 29 августа. Между тѣмъ, судя по письму Лермонтова къ Раевскому, онъ почти все время первой своей ссылки на Кавказъ провелъ „въ непрерывномъ странствованіи“. Въ этомъ письмѣ онъ пишетъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи, повѣришь ли, я находился до сихъ поръ въ непрерывномъ странствованіи, то на переклад-

ной, то верхомъ; изъѣздилъ линію всю вдоль, отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, въ Кубѣ, въ Камакѣ, въ Кахетіи, одѣтый по черкесски, съ ружьемъ за плечами; ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское... Простудившись дорогой, я пріѣхалъ на воды весь въ ревматизмахъ; меня на рукахъ вынесли люди изъ повозки; я не могъ ходить; въ мѣсяцъ меня воды совсѣмъ поправили“... Далѣе Лермонтовъ говоритъ, что для него лично всѣ военныя дѣйствія ограничились лишь тѣмъ, что онъ слышалъ только „два-три выстрѣла“.

Въ сентябрѣ (22-го) того же 1837 года въ Геленджикъ прибылъ государь со свитою. Въ свитѣ былъ и Бенкендорфъ. Государь остался доволенъ войсками и милостиво размѣчалъ награды. Бенкендорфъ, помня просьбы Арсеневой и желая сдѣлать ей угодное, воспользовался случаемъ и сталъ ходатайствовать за Лермонтова. Слѣдствіемъ этого ходатайства явился приказъ отъ 11 октября 1837 года, которымъ Лермонтовъ переводился въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ, стоявшій въ Новгородѣ.

Лермонтовъ не тотчасъ отправился въ Новгородъ: онъ пространствовалъ еще 4 мѣсяца — и къ новому полку своему прибылъ лишь 25 февраля 1838 года. Очень можетъ быть, что тѣ странствованія, о которыхъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Раевскому, и должны быть отнесены, именно, къ этимъ четыремъ мѣсяцамъ. Но какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ это пребываніе на Кавказѣ и эти странствованія имѣли для поэта большое значеніе. „Михаилъ Юрьевичъ побывалъ въ мѣстахъ, которыя видѣлъ въ дѣтствѣ: такъ онъ погостилъ въ Шелкозаводскѣ, имѣніи, принадлежавшемъ Акимъ Акимовичу Хостатову, сыну родной сестры бабушки Арсеневой. Хостатовъ этотъ былъ извѣстный всему Кавказу храбрецъ; похождения его переходили изъ устъ въ уста... Случай изъ жизни Акіма Акимовича послужили Лермонтову матеріаломъ, коимъ онъ воспользовался немного позднѣе. Въ основаніи разсказа „Бала“ лежитъ происшествіе, бывшее съ Хостатовымъ, у котораго дѣйствительно жила татарка этого имени. Точно также „Фаталистъ“ списанъ съ происшествія, бывшаго съ